

Кто был никем — тот станет всем!

*Э. Потье,
перевод с французского
А. Коца*

1

Утром Эрих обнаружил, что мать умерла. Он стучал в ее комнату, звал, она не откликнулась. Дверь была на задвижке.

Раньше она была без задвижки, несколько лет назад мать сказала Эриху, чтобы он привинтил задвижку. А то вечно все входят без спроса, сказала она, хотя, кроме Эриха, к ней некому было входить. Эрих купил и привинтил задвижку — маленькую, как мебельный шпингалет. Он знал, что рано или поздно придется ее вышибать. Теперь это время пришло.

Эрих ударил плечом, дверь распахнулась, ушко задвижки отлетело.

Он подобрал его и шурупы, сунул в карман.

Посмотрел на мать.

Она лежала с открытыми глазами и открытым ртом, руки вдоль тела.

— Мама? — спросил Эрих.

Но она и живая не сразу отвечала, а теперь тем более.

Он постоял и пошел в кухню. Позвонил отцу.

— Привет, такое дело, мама умерла, — сказал он.

— Ах ты, господи, — сказал отец и начал всхлипывать.

Эрих слушал и смотрел на часы. Ему на дежурство к десяти, сейчас без пяти девять.

— Мне на смену к десяти, — сказал он. — А уже почти девять. Давай приходи.

— Какая смена? — спросил отец. — У тебя мать умерла.

От этого напоминания он опять заплакал.

— За прогул уволят, — сказал Эрих. — У нас хоть сам умри, а приходи. Строго.

— Ладно, сейчас буду. Дождись, а то уйдешь, будет она одна лежать там.

— По-любому дождусь, у тебя ключей нет, — сказал Эрих.

Он пошел на балкон, где у него был шкафчик с инструментами и всякой мелочью, положил туда ушко и шурупы.

Вернулся в комнату матери. Огляделся — искал полотенце или чистую тряпку. Но в комнате не было ничего чистого, комната была очень грязной. Мать не убиралась лет пятнадцать, если не больше. Только иногда мела веником в центре, где ковер. На ковре видна протоптанная дорожка от двери к кровати.

Эрих пошел в ванную, где на полке хранились чистые полотенца. Полка была высокой, чтобы не достала мать. А то возьмет полотенце, унесет в свою комнату, и там оно пропадет. Там все пропадает. Так было бы, теперь не будет, ведь она умерла. Можно будет перевесить полку. И переделать многое другое. Заняться ремонтом в ее комнате. Всему свое время. Соседи купили собаку, бульдога. Щенка. Тот грыз плинтуса, углы, сдирал зубами обои, не слушался окриков, не действовало битье. Перестал сам, когда подрос, тогда соседи и сделали ремонт.

Эрих взял полотенце, пошел в комнату. Через полотенце приложил ладонь к глазам матери и провел вниз, чтобы веки закрылись. Подержал так, убрал руку. Теперь глаза были закрыты. Надо закрыть рот. Эрих сквозь полотенце взялся за подбородок, двинул его вверх. Подержал, отпустил. Рот медленно приоткрылся, но уже меньше. Эрих повторил, держал долго. Отпустил. Рот

опять приоткрылся. Эрих обвязал голову полотенцем. Выглядело так, будто у матери болят зубы или голова.

Пришел отец. Плакал и всхлипывал.

— Эх, Юрик, — еле выговорил. — Как мы теперь?

Всегда называл сына не Эрих, а Юрик. Не любил имени, которое дала мать в честь любимого писателя Ремарка. Когда у меня фамилия Маркова, а я Мария, само просится, объясняла она тогда, когда еще объясняла свои действия. Потом перестала, считая правильным все, что делает, и неправильным все, что делают другие. Отец устал от этого и ушел из семьи. Очень давно, Эрих был тогда маленьким. Потом узнал, что у отца заранее была припасена одинокая женщина на той же улице, через четыре дома. Жили они плохо, со скандалами. Мирились, когда вместе выпивали. Но с похмелья ссорились еще сильнее. Потом она умерла.

Отец называет Эриха Юриком, а Эрих его — никак. В словах «папа, отец» что-то родное, а Эрих ничего родного не чувствует в этом человеке.

Они стояли над матерью. Отец перестал плакать. Будто стеснялся нарушить тишину смерти. Спросил:

— Не закрывается без полотенца?

— Нет.

— Нехорошо смотрится.

— А как еще?

— Ну, пусть. Все свои, ничего.

— Ты давай тут, а мне пора, — сказал Эрих.

— Что давать-то? Я не знаю, что делать. В полицию надо звонить, нет? В скорую? Или куда? В похоронную службу тоже. Или как?

— Набери в телефоне: что делать, когда умер человек, — посоветовал Эрих.

— Ладно. Когда придешь?

— После десяти.

— Смотри, я на ночь тут не останусь. Эх, Маша, Маша, вот ты не вовремя. Мне в поликлинику завтра. Хоронить послезавтра будем? На третий день положено. А можно в кремацию. У меня соседку снизу недавно там сожгли. Дочь жаловалась — очередь, неделю ждали. Но, говорит, дешевле. И насчет кладбища проще. Ячейки, как камеры хранения, маленькие. Сунул, цветок воткнул, и все.

— Нормально будем хоронить. На третий день.

— Тогда получится. Успею в поликлинику.

До работы Эриху — пятнадцать минут пешком. Это большое преимущество, потому

что не надо ехать в транспорте и подвергать себя риску.

Эрих работает охранником в торговом центре, который называется «Депо-Молл». На первом этаже «Пятерочка», на втором — большой магазин бытовой техники и электроники и еще два десятка маленьких магазинчиков, на третьем — столовая «Му-Му». В «Пятерочке» своя охрана, на втором этаже тоже охранники, нет охранника в «Му-Му», но он там и ни к чему — еду не украдешь, ее подадут из-за стойки.

Вроде бы охранник при общем входе не нужен, но это не так. Ночью все пустеет, другие охранники уходят, а тот, что в вестибюле, остается. А вестибюль освещен, охранника видно, никто не сунется, вот вам и польза от него.

Днем бывает скучновато. Руководство охранной фирмы запрещает что-то смотреть или слушать с телефонов, и Эрих согласен, что это правильно. Пусть всякий, кто входит в торговый центр, сразу видит, что охранник не отвлекается, а наблюдает. Ночью смотреть и слушать разрешали. Эрих любит смотреть ютуб. В ютубе он любит смотреть аварии. Чаще всего причины аварии в самих людях, которые гоняют по дорогам, как идиоты. Если бы у Эриха была машина, он ездил бы аккуратно. Но гарантии все равно нет: ты едешь акку-

ратно, а в тебя врежутся, и ты точно так же погибнешь.

Любит он также смотреть кадры катастроф: наводнений, оползней, ураганов. Они доказывают, что человек ничто перед стихией, а стихия может случиться всегда.

Еще он любит смотреть фотографии красивых женщин. Смотрит иногда и порнографию. Без звука, потому что стесняется, что кто-то может услышать. Никого в вестибюле и во всем торговом центре нет, но мало ли. Может, кто-то где-то все-таки есть. Подслушает и будет потом посмеиваться над Эрихом. Эрих не терпит, когда над ним посмеиваются.

В порнографии ему нравится не то, что происходит, а сами женщины. Они бывают очень красивыми. Нет, много и некрасивых, которые неизвестно зачем снимаются. Ролики с такими женщинами Эрих тут же сердито закрывал. А красивыми любовался. В жизни он никогда таких не встречал. Люди в целом — уроды. Кто видит их тысячами каждый день, тот знает.

Но и аварии надоедают, и от красивых женщин устаешь, от их недостижимости, и Эрих половину ночи ничего не смотрит, а просто сидит или ходит туда-сюда.

Раньше было интереснее, Эрих работал при серьезной организации, где требовалось записывать в журнал фамилии посетителей. Начальство хвалило Эриха за отличный почерк. Эриху нравилось, когда у посетителей были странные фамилии. Многие он помнит до сих пор: Кожан, Солюстра, Перкуль, Амбиенко, Сцековский, Бедолай, Лембер, Чапчаков, Тубойда, Рацилло, Ворс, Берц-Ковалевич. Да у них и самих работала женщина по фамилии Штоль. Там Эрих сидел за столом, там разрешалось пить чай, читать. Но организация переехала в другое место, в «Москва-Сити», а Эриха перевели в торговый центр, где он работает уже девять лет. Зато близко к дому.

Скука кончилась, когда началась пандемия. Эриху объяснили, что в его обязанности теперь входит следить, чтобы все были в масках. А если у кого нет — не пускать. И Эрих вежливо напоминал, преграждал путь нарушителям. Были конфликты, были неприятные ситуации, несколько раз пришлось вызывать полицию, потому что охране запрещено самой задерживать людей и тем более применять к ним какие-то меры. Один пьяный пихнул Эриха кулаком в плечо, двое молодых людей потянули на улицу, чтобы там с ним поговорить, психованный пенсио-

нер плюнул в грудь, старуха ударила по руке палкой. Эрих мужественно терпел и гордился опасностью работы. По-настоящему его задел лишь один случай. В торговый центр вошел мужчина в костюме. Сразу было видно, что он не из простых. За ним следовал высокий человек, тоже в костюме, и что-то говорил. Наверно, что не надо сюда ходить. Эрих догадался, что это телохранитель. Оба были без масок. Эрих встал перед ними. Он не успел ничего сказать, телохранитель прыжком оказался впереди начальника и убрал Эриха с дороги. Как что-то неодушевленное.

И никто вокруг не возмутился. Никто не вступился за Эриха. А это было в ту пору, когда маски носили все и делали замечания другим. Эрих читал и видел в ютубе, как нарушителей выбрасывали из маршруток, трамваев и автобусов, всем вагоном ругали в электричках. Вдвойне было обидно пережить унижение. Сколько уже времени прошло, а Эрих помнит обиду. Перебирает варианты, как можно поступить, если обидчик опять появится. Но он не появлялся. Он попал сюда случайно, одноразово. Обидчиком при этом Эрих считал не телохранителя, а начальника. Ты, начальник, виноват, что твои люди так себя ведут. Каков поп, таков приход.

Но в целом Эрих был почти счастлив, чувствовал себя как никогда нужным, полезным. Как-то он наткнулся в интернете на заголовок, где было выражение «страж порядка». Он и раньше знал это выражение, но оно было для него пустым. И вдруг наполнилось смыслом. Это про него. Он не охранник и не сторож, он не привратник, он — страж. Страж по работе, по должности. А есть стражи добровольные, по жизни. В том же ютубе Эрих начал смотреть ролики из серий «не на того нарвался», «проучил хама», «мгновенная карма» и т.п., где справедливость восстанавливалась смелыми людьми или самими обстоятельствами.

Он в это время забыл о фото и порно с красивыми женщинами. Смотрел очень редко. Сделал вывод: если мужчина увлечен серьезным делом, если появляется в его жизни важная тема, женщины не очень-то и нужны, даже красивые.

Все было хорошо, но Эрих с печалью думал, что пандемия кончится и все будет по-старому, скучно.

И тут новый всплеск, рекордные цифры заболеваний и смертей. Однако люди вместо того, чтобы по-хорошему испугаться и взяться за ум, именно в это время окончательно потеряли голову. Они сорвали маски и стали нарушать пра-

вила, будто бросили вызов эпидемии и самой смерти: на, жри.

Полноценно работать стало невозможно. Когда нарушают один-два человека, с ними можно как-то справиться, а когда половина без масок — что тут сделаешь? Эрих задал этот вопрос заехавшему в торговый центр начальнику их районного подразделения Васильеву, тот ответил:

— Забей.

— Но не отменили же масочный режим, — возразил Эрих.

— Он сам отменился, — сказал Васильев.

— Как это?

— А вот так. У нас все само происходит. Явочным порядком, — объяснил Васильев.

Эриха будто обокрали, причем отняли не вещь, а чуть ли ни смысл существования. Опять он торчит тут никому не нужной тенью, всеми видимый и никем не замечаемый.

Он оскорбился не столько за себя, сколько за тех, кто соблюдает правила. Почему они проявляют сознательность, думают и о себе, и о других, а этим другим — наплевать? Это нечестно и несправедливо.

Время сегодня тянулось очень медленно. Эрих вспоминал жизнь с матерью и не мог вспо-

мнить ничего особенного. Она ведь давно заболела и занималась только собой, своим самочувствием. Раз в неделю вызывала скорую помощь. После врачей приторно пахло лекарствами. Одна врачиха, выходя из комнаты, сказала Эриху:

— Хоть бы убрали у нее.

— Не дает, — оправдался Эрих.

Позвонил отец и сказал, что звонил в полицию и скорую помощь. В полиции пообещали прислать участкового, а скорая приняла вызов и велела ждать. Спросил, как включить телевизор.

— Там два пульта, — сказал Эрих. — Белый от телевизора, второй от приставки. Сначала телевизор включаешь, потом приставку.

— Пробовал, не получается. Ладно, обойдусь. Да и говорят, что нельзя смотреть, если в доме кто-то... Обойдусь, ничего.

Через полчаса позвонил опять: достали похоронщики. Три фирмы предложили услуги. Наверно, им скорая сообщила. Эрих посоветовал не вступать с ними в переговоры.

— Найди государственную организацию.

— А сам не можешь?

— Я на работе.

— Все на меня взвалил, не совестно?

— Я на работе, сказал же.

Через час отец опять позвонил и сказал, что была скорая, все оформили, написали нужные бумаги. Пришел и участковый, что-то записал, но сказал, что ему тут делать нечего, женщина была давно больная и старая, все понятно. Меньше вам хлопот, сказал он, не надо везти в морг на экспертизу. Прямо из дома на кладбище повезете. И опять звонили похоронщики. А государственную организацию отец никак не найдет.

— Юра, у меня мозги кислые, я сам скоро помру, ты найди кого-нибудь, а то время идет, а ничего не делается.

— Ладно.

Эрих, не покидая поста, начал поиски. Он по-прежнему строго смотрел на входящих, чтобы они видели хотя бы упрек, если уж действия бесполезны, но время от времени скашивал глаза вниз, на телефон в руке, где искал нужную организацию. Тут же появилась реклама услуг. Картинки кладбищ, памятников, гробов. Один стоил два миллиона рублей. Выскочили заголовки: «Отпевание на дому по православному обряду». «Проводим с достоинством». «Возьмем на себя печальные хлопоты». Вскоре Эрих отыскал страницу справочной городской ритуальной службы, где все было подробно и понятно расписано — и как рассчитать стоимость, и как